

Глава тринадцатая

ВЕДЬМИНА ПУТАНКА

Пальцы ведьмы порхали, натягивая и расслабляя красные шерстяные нити.

— Кто бы знал, — недовольство хрустко перекачивалось по её желтоватым зубам, — кто бы знал, что в жалкой душонке столько силы. Жадный мальчишка! Хочет и освободиться, и девчонку из-под моего носа увести! Не бывать тому!

— Он не захотел с нами дружить, — зароптали из пыльных углов ведьмино дома, — мы звали, но он не помнит нас, не узнаёт.

Желтоглазые прятались за паутиной, подальше от нитей и колдовства.

— А то как же, — с издёвкой произнесла ведьма, — все вы одной породы!

Нити заполняли дом ведьмы. Она стояла в центре комнаты с узлом в руках и вплетала в него новые завитки. Нити проходили над кроватью, над очагом, где на огне коптился чугунный котелок, над небольшим загоном с кроликами.

— Я связала его заклинанием, но он сопротивляется, — цедила ведьма сквозь зубы. — Чем-то он всё-таки отличается от вас, длинноухие. Или девчонка так влияет на него.

Кролики беспокоились. Ведьма стогняла их вместе с одной целью — утолить свой голод. Она плела заклинание, значит, голод усиливался. В любой момент ведьма могла ухватить одного из зверьков за уши. Кролики прятались друг за друга, один карабкался на другого, скрыться не получалось.

— Разве вам плохо со мной? — заговорила ведьма притворным, ласковым тоном. — Не я ли вас приютила? Кормлю, ухаживаю, рассказываю истории долгими ночами? Нахожу вам хозяев? Что же ты сбежал, дрянной мальчишка?

Она завязала очередной узел.

— Вот. Пусть помучается, поспорит сам с собой. Он поймёт: единственный шанс на спасение — вернуться ко мне. И ещё один узелок, чтобы глаза на девчонку раскрыл. Он ведь ей не нужен, она к братцу рвётся.

В дальнем углу под нитями стояла люлька. В ней лежал Костик, агукал, сучил ручками и ножками, пытался ухватиться за красную нить, качающуюся над колыбелью.

— Погоди, малой, и тебя в семью примем. Уж мы тут ни от кого не отказываемся. Вырастим, выкормим, для дела сгодишься. Крольчат много не бывает. А того глядишь, и на вкус распробуем. Желтоглазеньким моим нового братца хочется.

Костик отзывался на слова ведьмы весёлым гулением.

— Ты сестрицу приманишь, а там дело пойдёт. И на неё закреплю узелок. До Матери Ночи девчонка своими ногами дошла, браслетуку приглянулась. Стало быть, и до меня дойдёт. Где браслетик зацепился, там и я проберусь. Пора бы уже скинуть дряхлое тело да Перепутье за спиной оставить.

Под локтями ведьмы колыхался фартук, чистый, аккуратно выглаженный, завязанный на крепкий, ладный бант. Ведьма переложила узел в левую руку, правой похлопала по животу.

— Проголодалась? Заклятья требуют больше сил. Какого тебе, беленького, рыженького?

Кролики завозились и полезли из загона. Ведьма подняла передник. Под ним прямо на юбке прятался раскрытый рот — пропасть с извивающим языком. Язык резко вытянулся, ухватил

кончиком ближайшего кролика, закинул в пасть.
Ведьма громко икнула. Пальцы заплясали быстрее,
ведьма запела:

*Узел свяжу, запетляет дорога,
Столько прошли, вам осталось немного.
Но не дойти до нужного места,
Держитесь порознь, держитесь вместе.
Поодиночке придёте ко мне,
Каждый своей отдавшись вине.*

*Узел один завяжу для девчонки,
Голос её станет тихим да ломким,
И из души польётся другой,
Громкий и лживый, трусливый и злой.
Станешь моей, не отыщешь младенца,
Тьме открываешь путь в своё сердце.*

*И для мальчишки узел сготовить,
Пусть он себя за уши ловит.
Путь его знаю, он слишком простой,
Этот мальчишка забытый, пустой.
Он уже съеден, он тень, он вчера,
Сколько бы девочка рядом ни шла.*

*Узел покрепче свяжу заговором,
Вам по полям, по мосту да за горы,
Выпить бы тёмной холодной водицы,
Чтобы друг с другом уже не водиться.*

*Чтобы забыть, где свет, а где тьма,
Чтобы дорога ко мне привела.*

*Здесь я закончу творить колдовство,
Новое тело, другое лицо,
Сброшу обличья старого струнья,
Выйду я в мир, не вернусь к Перепутью.*

Ведьма наполнила дом нитями, как только поняла, что мальчишка не собирается исполнять обещанное. Касаясь нити, она видела, что происходит с детьми. Она проникала в мысли Маши и Егора, обходя вниманием маленького Платона. Ей вполне достаточно одного младенца, от которого на голову обрушилась неожиданность. Никогда ни один из обманутых ею детей не отправлялся искать украденного брата или сестру. Они довольствовались подаренными кроликами и так же, как их родители, постепенно забывали об утраченном члене семьи. Девчонка не просто отправилась на поиски, каким-то невероятным образом она села в нужный автобус, невидимый простым людям до особого момента, когда мир вокруг истончается и они готовы к переходу. Девчонка прошла через границу. Более того, граница пропустила её, и Лодочник принял её путешествие как должное и напутствовал добрым словом, чего не делал уже давно. Дал на попечение мальчишку, вместо того чтобы лично

разыскать Хранителя. Но удивительнее всего, что Маша Звонова, обычная второклассница, разрушила чары, сковывающие дух одного из ведьминых питомцев, и он, жалкий зверёныш, бросил вызов хозяйке. Да, ведьма ждала такого особенного ребёнка, но теперь смутное ощущение угнездилось в груди. Ведьма не признавалась самой себе, что оно напоминает страх. Что-то в ней хотело, чтобы Маша дошла до яблоневого сада, и в то же время сердце просило время не торопиться.

Года брали верх над человеческим телом, силе, что таилась в нём, было тесно. Многослойные кофты и юбки, ярусные платья скрывали зияющие прорехи в складках кожи и сгибах конечностей. Через них проглядывала истинная сущность ведьмы, прикрытая обличем женщины.

Та женщина попала в лодку, плывущую через границу Перепутья, с перекрёстка двух дорог, по которым убегала из одного города в другой. К концу недолгой и недоброй жизни она видела призраков несчастных детей, которых заманивала лаской, сладостями и дивными историями про волшебные яблоневые сады. «Откусишь румяный бок яблочка, и желание исполнится».

За детскими тенями неотступно вставали припорошенные болью и отчаянием родительские тени. Они вглядывались в лицо воровки сперва недоверчиво, после вытягивали невидимые руки прямо

к шее ведьмы с одним намерением — вытрясти правду. «Куда девала наших чад?» Подымались изпод земли и другие призраки, чёрные, большие, прорезающие сердце грубым смехом, подобно ржавым ножам. То были люди. Ведьма так и называла их — люди, — когда приводила в их ловушки очередного одурманенного ребёнка. Что люди делали с детьми дальше, ведьма не знала. Люди платили ей золотыми и серебряными монетами, блеск которых затмевал голос совести. Женщина почти забыла своё имя. Она слишком часто меняла имена, переходя от одного «сада» к другому. Но имена детей помнила все до единого. И с лодки молчаливого, страшного, скрытого капюшоном не то скелета, не то возмездия, посланного за ней и прочими беднягами, чей земной срок подошёл к концу, сошла в окружении отзвуков имён, произнесённых детскими голосами. Лодочник не дал совета напуганной, но не раскаявшейся душе, лишь указал на берег:

— Покинь мою лодку.

— Ты даже не сказал, что я могу вернуться, что я всё ещё дышала там, на перекрёстке, в беззвёздной полночи, что у меня ещё было немного времени. — Ведьма сильнее задёрнула нити. — Ты не равнодушный. Такой же осуждающий, как и все, другой, перевозчик. И тебе есть дело до пассажиров твоей лодки, хоть и утверждаешь обратное.

Лодочник мог бы предупредить её об опасностях Перепутья. О ярмарке, где она, оголодавшая, почти безумная, после воя и кровавого дождя леса отдала часть прошлого — юные и чистые годы своей жизни — за кусок чёрствого хлеба. О Зеркальном озере, из которого вышли похищенные дети и указывали на неё пальчиками. О Сонных холмах, где она, отчаявшись вырваться из плена острых шипов, обнаружила себя в тёплом, пахнущем молоком доме, прижимающей к груди единственного дорогого ей человека — крошку-сына, её милого зайчонка. И о том, как будет она кричать снова и снова, как когда-то давно, когда душа была полна светом и любовью, кричать, понимая, что сына нет. Что она вновь и вновь будет ощущать пустоту, которая так и не смогла заполниться. Потому что в следующий миг сыночек оказывался у неё на руках, чтобы через минуту исчезнуть. Появиться, исчезнуть, появиться, исчезнуть. Из шипов она выбралась не собой. Нечто ледяное и тяжёлое проникло в сердце. Спросило: «Чего ты хочешь? Бродить по Перепутью, остаться в шипах? Или стать хозяйкой обоих миров?»

Она ответила не сразу. Сперва побеждали те мысли, что говорили о покое, заслуженном всеми, какие бы поступки ни совершались в беспокойной жизни. Мысли вытеснила тьма, скаталась в непроницаемый шар и увеличивалась. Тьма стала ей второй

кожей. Женщина увидела сына, он обернулся серым кроликом, весело повёл ушами. Потом кроликов стало много. Все-все дети пришли, смотрели доверчиво, шмыгали носами и обращались в крольчат. Она увидела, словно приоткрылась дверца в тот, старый мир, сколько детей может забрать, спасти, привести домой.

Тьма никогда не показывает тьму. Она притворяется светом и даёт ложную надежду.

— Дура, — расхохоталась ведьма, — правильно меня называли люди. Дурой я была. На Перепутье поумнела. А вот ты, Машенька, умнеть не хочешь. Вы, современные дети, до того избалованные, до того переполненные информацией, что вас сперва надо хорошенько опустошить, чтобы заполнить чем-то толковым.

Ведьма тянула нить и следила, как Маша идёт по мосту над бездной. За ней семенил мальчишка-предатель, сомневающийся в себе, но ни на секунду не усомнившийся в девчонке. Ведьма наблюдала, как из пропасти вылетает сияющая Нагай-птица. Тьма, одарившая ведьму силами, встревожилась. Могушественное создание зоркими глазами могло разглядеть тьму и за Машиной спиной, и в Егоре. Ведьма держала невидимой рукой его трусливые кроличьи уши.

— Егор, ну надо же, — ощерила зубы ведьма, когда мальчик пробовал на вкус новообретённое имя.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Нагай-птица не разглядела ведьмы и даже сорвать змеиный браслет, которым тьма отметила девочку, не сумела. Видно, за время, проведённое в Бездне забытых, подрастеряла могущество.

Браслет тоже заставил ведьму поволноваться. Тьма не стёрла начисто женщину, согласившуюся на сделку с одной из сил Перепутья. Ведьма боялась, что тьма покинет её, хотя понимала, всё идёт к этому: тьма подготовила ей приемницу. Как только холод и мрак покинут её тело, она останется один на один с Перепутьем.

На дне колодца тоже сидела тьма. Ведьма служила лишь временным пристанищем магии, тогда как Матерь Ночи сама была древней, изначальной силой, не договорившейся с тьмой, но рождённой из неё и для неё. Если бы она получила девочку, ведьма никогда не смогла бы править ни в одном из миров. Матерь Ночи забрала бы себе и Машин мир, и Перепутье, и даже тот, что раскинулся за Перепутьем: огромный, беспредельный, непознанный, густо заселённый теми, кто был и кто будет.

Игрой случая ведьме помог свет, посланный Хранителем. Ведьма даже не удивилась. Она лучше других знала, что добро очень часто, само того не ведая, расчищает дорогу злу. Браслет остался на девочке и облегчал задачу. Тьма коснулась избранницы. То, что напоминало страх, снова

шевелинулось в груди, но злоба, рвущаяся из тела, изгоняла сомнения.

— Думаете, вы у цели? — Ведьма рванула все нити разом.

Дом заскрипел.

— Думаете, Исток вам поможет? Вы не знаете, что такое Исток! С какими мыслями по лабиринту к Водам дойдёшь, такую правду они и откроют! А я вам помогу дойти, ой как помогу!

Ведьма выбрала из закутка откормленного кролика. Она закинула зверька в ждущий, распахнутый на животе рот.

— Ешь! — завопила она.

Сила пришла сразу. Заколело кончики пальцев, вспыхнули глаза, лоб покрылся испариной. Вопль перешёл в пение. Ведьма завязывала узлы под напе-вы заговора.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

